

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 101

О ПЕРВОМ ВАРИАНТЕ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ В.Н. БОРИСОВА (АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

*С.Н. Корсаков**

*ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия
E-mail: snkorsakov@yandex.ru*

***Аннотация.** В публикации говорится о первом варианте докторской диссертации В.Н. Борисова. Он был написан еще в 1956 г. в период работы В.Н. Борисова в Калининском пединституте. Впервые публикуется отзыв заведующего сектором философских вопросов естествознания Института философии АН СССР С.А. Петрушевского на диссертацию В.Н. Борисова. В.Н. Борисов как ученик А.В. Савинова попытался осуществить синтез философских оснований логики, физиологии и психологии в учении о мышлении. Отрицательный отзыв лысенковца С.А. Петрушевского привел к тому, что В.Н. Борисов защитил докторскую диссертацию спустя пятнадцать лет.*

***Ключевые слова:** советская философия, Институт философии РАН, Калининский пединститут, В.Н. Борисов, А.В. Савинов, С.А. Петрушевский.*

Вадим Николаевич Борисов – известный философ, работавший в Твери, Новосибирске и Самаре. Его творчеству посвящен уже ряд публикаций [1; 4; 5; 6; 7; 8]. Мы же постараемся осветить неизученный вопрос, относящийся к тверскому периоду жизни и деятельности В.Н. Борисова.

В Калининский пединститут В.Н. Борисов поступил работать в 1949 г. после окончания философского факультета МГУ. Он был вовлечен в орбиту работы в области логики, которую вел заведующий кафедрой философии А.В. Савинов. А.В. Савинов начал заниматься вопросами логики еще в 1930-е гг. – до известной «реабилитации» этой философской науки. А.В. Савинов не разделял распространённого в то время нигилистического отношения к формальной логике. Рубеж 1940–1950-х гг. стал пиком общественного внимания к логике. По заказу Наркомата просвещения РСФСР А.В. Савинов написал учебник по логике. Он вел в пединституте факультативный курс логики и читал логику на открывшемся отделении логики и психологии. Все его аспиранты, включая А.В. Борисова, защитили кандидатские диссертации по логике.

А.В. Савинов подходил к логике как философ. Вопросы специфического аппарата логики не были для него самоцелью. Он стремился показать прин-

* *КОРСАКОВ Сергей Николаевич* – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН.

ципиальное отличие элементарных процессов познания и формально-логических закономерностей от «метафизики». Он исследовал логику как науку о человеческом мышлении и считал, что законы логики получают своё объяснение и обоснование в свете законов диалектики. Законы формальной логики рассматривались им как отражающие моменты и отношения качественной определённости. Например, закон исключённого третьего, по А.В. Савинову, отражает тот момент, что в промежутке между двумя качественными изменениями предмет находится в данном качестве. В этом сказались систематическое знакомство А.В. Савинова с дореволюционными руководствами по логике.

Отсюда становится понятной и эволюция научных интересов В.Н. Борисова. Защитив в 1953 г. кандидатскую диссертацию по чисто логической тематике, он сразу же засел за подготовку докторской диссертации о мыслительных процессах в связи с рефлекторной деятельностью головного мозга. Классическое понимание логики и психологии, как оно сложилось на рубеже XIX–XX вв. исходило из того, что это смежные науки, изучающие различные аспекты человеческого мышления. Поэтому исследование В.Н. Борисова можно считать гносеологическим исследованием, выполненным в рамках комплексной методологии, сочетающей логическое, психологическое и физиологическое измерения.

Конечно, В.Н. Борисов поторопился: представлять в Институт философии АН СССР докторскую диссертацию спустя три года после защиты кандидатской – не принято. Но суть истории не в этом.

Диссертация В.Н. Борисова «О познании как отражении в свете учения И.М. Сеченова и И.П. Павлова о рефлекторной деятельности головного мозга» попала на отзыв заведующему сектором философских вопросов естествознания Института философии АН СССР С.А. Петрушевскому. Здесь надо пояснить, почему диссертация по философским проблемам психологии рецензировалась в этом секторе. Наличное распределение наук по системе классификации мы привыкаем считать самоочевидным. В частности, психология однозначно воспринимается нами в ряду гуманитарных наук. Между тем, с конца XIX в. и до 60-х гг. XX в. психология числилась среди естественных наук о человеке. Поэтому, когда в Институте философии АН СССР была сформирована группа психологии, она работала в рамках сектора философских вопросов естествознания, наряду с группой физики, группой биологии и проч. Сам сектор был создан в последние годы Великой Отечественной войны. У его истоков стояли выдающиеся ученые и философы: С.И. Вавилов, Б.М. Кедров, И.В. Кузнецов. Но идеологические кампании конца 1940-х – начала 1950-х гг. не могли не сказаться на качестве работы сектора. Его заведующим был назначен С.А. Петрушевский.

В.А. Лекторский, работавший в Институте философии АН СССР в 1950-е гг., считает С.А. Петрушевского недалеким и непрофессиональным человеком, карьеристом. Карьеру С.А. Петрушевский делал на идеологических проработках под флагом лысенковщины. Он активно травил наших выдающихся биологов. Но, как истинный карьерист, с падением Лысенко, мгновенно менял свою риторику на диаметрально противоположную. И защитил докторскую диссертацию, где уже восхвалял своих недавних жертв. Все это глубоко возмутило Б.М. Кедрова, в свое время изгнанного лысенковцами из сектора философских вопросов естествознания Института философии АН СССР. Б.М. Кедров написал открытое письмо в ВАК с протестом против присуждения С.А. Петрушевскому докторской степени. В приложении он дал сопоставление выдержек из пролысенковских и прогенетических писаний С.А. Петрушевского. Причем как человек смелый и решительный, Б.М. Кедров не просто направил бумагу в инстанцию, а размножил текст на ротапринте в виде брошюры. Ее и сейчас можно почитать в спецхране «Ленинки». Протест Б.М. Кедрова не возымел действия: ВАК не лишил С.А. Петрушевского докторской степени. Но в условиях оттепели работать в Институте философии С.А. Петрушевскому стало неуютно, и он перешел в ИПК МГУ.

С.А. Петрушевский писал рецензию на диссертацию В.Н. Борисова в период расцвета лысенковщины. Лысенковцы спекулировали на именах Мичурина и Павлова. Вслед за Августовской сессией ВАСХНИЛ, где была разгромлена генетика, прошла Павловская сессия АН СССР и АМН СССР, на которой разгромили физиологию высшей нервной деятельности. Соваться в эту область науки в тот период значило заведомо подставлять себя под удар. Философия биологии оказалась тогда в совершенно антинаучном состоянии. Потому С.А. Петрушевский и пишет, что В.Н. Борисов «исходит не из Павлова, а из Савинова». В.Н. Борисов подходил к изучаемым проблемам не как идеологизированный конъюнктурщик, а как философ, выявляющий сами их основания, их логическую суть. Он и в дальнейшем с уважением относился к полученной им у А.В. Савинова логической и гносеологической выучке [2].

Заключение С.А. Петрушевского, что В.Н. Борисова можно принять в докторантуру Института философии АН СССР, осталось декларацией. Свою докторскую диссертацию В.Н. Борисов защитил спустя пятнадцать лет, в 1970 г. в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Тема диссертации была сформулирована теперь как более общая: «Структура мышления как познавательного и логического процесса» [3]. Но, как можно судить по изложению основных положений первого варианта диссертации В.Н. Борисова в отзыве С.А. Петрушевского, проблемный нерв диссертации остался прежним: соотношение логических и психофизиологических аспектов мыслительной деятельности человека, физиологические корни логического мышления. Именно за поиски этого соотношения С.А. Пет-

рушевский осуждал В.Н. Борисова с позиций вульгарного материализма, отождествляя логическое и психическое в мышлении с физиологическими процессами головного мозга. Как будто вновь возродилась дискуссия механистов с диалектиками 1920-х гг. С.А. Петрушевскому, который в роли прокурора от имени марксизма-ленинизма усиленно искал идеализм в философской позиции В.Н. Борисова, было бы полезно вспомнить мысль В.И. Ленина об идеальной природе мышления. Понимание качественного своеобразия уровней мышления служило В.Н. Борисову исходной посылкой в понимании роли диалектической логики в мышлении и познании.

Ниже публикуется рецензия С.А. Петрушевского. Источник: Архив РАН. Фонд 1922. Опись 2. Дело. 365. Листы 1–13.

РЕЦЕНЗИЯ

на материалы докторской диссертации В.Н. Борисова

«О познании как отражении

в свете учения И.М. Сеченова и И.П. Павлова

о рефлекторной деятельности головного мозга».

543 страницы машинописи

Внимательно ознакомившись с указанными материалами, я прихожу к выводу, что они дают полное основание для постановки вопроса о возможности прикомандирования В.Н. Борисова в докторантуру Института философии АН СССР по сектору диалектического материализма.

Судя по материалам, автор обладает весьма солидной философской и естественнонаучной подготовкой, хорошо ориентируется в новых и новейших вопросах избранной им темы.

Тема работы, на наш взгляд, теоретически и практически актуальна, вопросы поставлены достаточно свежо и смело.

Автор подвергает критическому анализу многочисленные взгляды и теории – и те, которые действительно ошибочны, и те, которые кажутся ему ошибочными. Словом, он не оставляет без критического обзора все заслуживающие внимания источники данной темы, дает им собственную оценку и делает соответствующие выводы.

В положительном плане он широко использует взгляды классиков марксизма-ленинизма, данные И.М. Сеченова и И.П. Павлова, а также их учеников и последователей.

Это, несомненно, сильная сторона материалов, свидетельствующая о широкой эрудиции автора, а равно и монографической широте его замыслов, что, конечно, очень ценно.

Кроме того, следует еще указать на приемлемость литературного стиля, а также на структурную цельность материалов.

Можно надеяться, что в условиях докторантуры работа может быть вполне успешно завершена.

Однако, входя в существо проблемы, оценивая материалы под углом современных требований, следует сказать, что эти материалы еще во многом должны совершенствоваться, чтобы достичь уровня докторской диссертации.

Я имею следующие конкретные замечания.

По общефилософским вопросам:

1. На мой взгляд, и это самое главное мое замечание, в материалах имеется какое-то внутреннее противоречие: с одной стороны, автор всячески стремится доказать рефлекторный характер познания, приводит с этой целью большой естественнонаучный материал, а с другой – когда касается собственно познания, затемняет указанную идею, отодвигает на задний план физиологический, нервный механизм рефлекторной деятельности, вводит некий другой механизм, некий «познавательный» план, некий «идеальный план», некую «логическую» деятельность ума, «внутреннюю» сторону рефлекторной деятельности. У него получается, что «познавательная», «логическая», «внутренняя» сторона деятельности мозга – это какая-то особая, внефизиологическая, вненервная деятельность, что, конечно, противоречит самому замыслу материалов и павловскому учению.

Согласно павловскому учению, познавательная деятельность мозга – это и есть *сплошь* условнорефлекторная, физиологическая, нервная деятельность, то есть процесс образования и разрушения разных уровней и разной сложности условных рефлексов на базе безусловных, это процесс ассоциаций и ассоциаций ассоциаций, это деятельность первой и второй сигнальных систем и решительно ничего другого.

Автор почему-то эту идею сильно затушевывает и становится, в сущности, на путь старой, так называемой, традиционной психологии, где процесс мышления рассматривается в полном отрыве и в полном противопоставлении физиологическому, нервному процессу.

В связи с этим автор пытается приписать Павлову совершенно чуждый ему подход к проблеме. На странице 120 своей работы автор заявляет: «аналитико-синтетическая деятельность головного мозга раскрывается И.П. Павловым с нескольких (!?) сторон: с одной стороны как нервный, физиологический процесс, с другой – как познавательный процесс».

Ничего подобного Павлов не говорил и никогда подобным образом не ставил этого вопроса. Я знаю опубликованные и еще не опубликованные работы Павлова. Нигде такого деления я не встречал. Да и странным было бы такое заявление в устах Павлова. По Павлову «высшая нервная деятельность» – это то же самое, что и «психическая деятельность», это то же самое, что и «рефлекторная деятельность», это то же самое, что и «познавательная деятельность», так как все эти деятельности, согласно его взглядам, в одно и то же время – и физиологическое явление, и психическое – и никаких «двух планов»!

Эта идея Павлова очень глубокая, и автор материала явно ее не постиг.

Ту же самую мысль с некоторым прибавлением он приписывает и Сеченову. «И.М. Сеченов, – пишет он, – рассматривал рефлекторную деятель-

ность головного мозга с нескольких сторон: с физиологической, познавательной, а также с логической (!?, с. 122). И далее: «В этом смысле рефлекторная деятельность головного мозга является не только физиологической, но также и отражательной, познавательной» (там же).

Автор не понял того, что по Павлову *нервно-физиологическая* деятельность не имеет никакой другой «цели», никакого другого смысла, кроме, как *отражательного, познавательного*, никакого другого «плана», как уравнивания организма с окружающей средой, что эти деятельности – одна и та же деятельность, и что здесь нет никаких «двух», «трех» планов, что эти «два», «три» плана – это вздор, придумываемый для оправдания старых взглядов, старого понимания психической деятельности как обособленной деятельности и т.д.

Таким образом, автор, видимо, совершенно не желая этого, сходит с сеченовско-павловского пути на путь досеченовской и допавловской умозрительной психологии.

2. Не менее уязвимым является его рассуждение о том, что «познавательный процесс не является *лишь* надстройкой над рефлекторной деятельностью головного мозга, как иногда представляют, а выступает в качестве *внутренней* необходимой стороны» (с. 127).

Значит, автор нисколько не возражает против мнения, что познавательная деятельность – это «надстройка» над рефлекторной, он лишь оговаривает, что нельзя ее сводить *лишь к надстройке*, так как она есть еще, по его мнению, «*внутренняя*» сторона этого процесса, что другими это-де не признается.

Что же собою представляет эта «необходимая внутренняя сторона» рефлекторной деятельности? Каков механизм этой «внутренней стороны»?

Было бы тщетно искать ясного ответа на этот вопрос в материалах диссертации. Автор оставляет этот вопрос в полном «ночном тумане».

Не проясняет он этого вопроса и тогда, когда касается рефлекторного характера логического «строя» мышления. Напротив, он сгущает этот туман до предела, переходя к языку логики и оставляя язык естествознания, на который он так стремился в начале опереться, совершенно в стороне. Из его рассуждений ясно видно, что он окончательно здесь покидает павловскую почву. Он много рассуждает о том, что «логический процесс мышления представляет собою процесс установления и изменения внутреннего закономерного порядка мышления, его внутренней структуры» (с. 441), но что собою представляет в нервно-физиологическом отношении этот процесс, так и неясно из материалов диссертации. Его эти рассуждения отнюдь не озарены павловским учением. Он больше опирается на Савинова, чем на Павлова. Кстати сказать, савиновских идей я так и не понял. Но, думаю, что они никакого отношения к павловскому учению не имеют.

Это два основных моих замечания.

Что же касается естественнонаучного содержания материалов, то здесь у меня есть много замечаний. Но поскольку передо мною не стояла специальная

задача разбора этих материалов, а лишь задача определения их пригодности для целей докторской диссертации, то я коснусь лишь самых существенных.

1. На мой взгляд, автор совершенно неправомерно смешивает два этапа в физиологии – сеченовский и павловский. Автор везде говорит о сеченовско-павловском учении о высшей нервной деятельности, хотя известно, что это учение возникло лишь в самом конце XIX и в начале XX века. Известно, что сам Сеченов неоднократно указывал на «страшные пробелы» в своих исследованиях, именно имея в виду отсутствие данных о работе мозга, о нервных процессах, в нем происходящих. Он говорил, что в его работах об этих процессах «нет и помина», что «сведения наши о нервных процессах, даже в случае наизыска простейших процессов, почти равны нулю» и т.д. Известно также, что самое явление центрального торможения, являющееся главным физиологическим открытием Сеченова, объяснено Павловым совершенно по-другому, чем объяснял его сам Сеченов и т.д.

Автор же не учитывает этого, а поэтому неудивительно, что у него воскрешается старое, допавловское понимание всей проблемы в целом. Это большой минус всех материалов автора, его понимания проблемы.

2. Далее автор очень подробно и часто даже без всякой связи с темой излагает павловское учение. Причем это изложение является весьма популярным и общеизвестным.

Но там, где действительно надо было бы связать павловское учение с поставленной проблемой, воспользоваться им для решения этой проблемы – там автор проявляет крайнюю слабость.

Это касается прежде всего понимания им аналитической и синтетической деятельности головного мозга, взаимоотношения структуры и функции, понятий стереотипа и нервно-динамического стереотипа и т.д.

И особенно досадно, что учение о первой и второй сигнальной системе автор очень слабо использовал. А ведь это, в сущности, главный естественнонаучный материал, относящийся прямым образом к проблеме. Из материалов не видно, что он будет использован в будущем, а имеющиеся места в материалах (с. 365–440) – совершенно неудовлетворительны.

Особенно слабо разработан вопрос об аналитической и синтетической деятельности мозга. И хотя автор подвергает резкой критике многие мнения по этому вопросу, однако сам дальше популярного изложения материала не пошел. Он не дошел до глубокой идеи павловского учения о том, что анализаторы своими мозговыми концами входят составной частью в условно-рефлекторную деятельность. Иначе говоря, что мозговые концы анализаторов – это и есть условные рефлексы, и что мозг является совокупностью анализаторов, а вся деятельность мозга есть аналитическая и синтетическая, направленная на познание окружающей действительности, на уравнивание организма с этой действительностью.

Павлов вскрыл высшую диалектику в деятельности мозга, показал неразрывную связь психического содержания с окружающей действительностью, зависимость познания от воздействия внешней действительности. Павлов показал, что анализ и синтез в деятельности мозга совершается по строгим объективным законам (пять законов высшей нервной деятельности), что в основе аналитических и синтетических процессов лежит борьба противоположных процессов – раздражения и торможения, и что этой борьбой определяется вся качественная сторона анализа и синтеза. Автор не показал особенности анализа и синтеза в первосигнальной деятельности, особенности анализа и синтеза при совместной работе первой и второй сигнальных систем и т.д.

В этой части материалы нуждаются в большом пополнении и доработке.

Также слабо автор разобрался в вопросе о павловском понимании структуры, динамики и функции. В этой связи он подвергает критике мои взгляды, которые, конечно, нуждаются в критике, так как они были высказаны еще до Павловской Объединенной сессии.

Автор находит, что я проповедую психоморфологизм, а сам он высказывает якобы истинное павловское понимание проблемы. Он говорит, что «структура, по Павлову, есть морфологическая конструкция коры (!) и связанная с нею функциональная системность нервных процессов (!!!). Движение этих нервных процессов и представляет собой то, что И.П. Павлов называл динамикой (!), настаивая на ее связи, то есть связи движения нервных процессов и их взаимодействия с морфологической и функциональной (?) структурой коры больших полушарий. Психические же явления И.П. Павлов не связывал непосредственно (?!) с морфологической структурой мозга... У Петрушевского же физиологическое сводится непосредственно к структуре, а динамические процессы, разыгрывающиеся в коре, рассматриваются как психические» (с. 172–173). И далее он цитирует следующее место из моей книги: «Динамика высшей нервной деятельности (что соответствует «психическому») находится в связи со структурой. Последняя, по его словам, ее физиологический субстрат» (Петрушевский С.А. Философские основы учения Павлова. – М., 1949. – С. 51).

Из этого видно, что, во-первых, автор под морфологической структурой понимает нечто *не физиологическое*, нечто вроде костного скелета, на котором держится физиологическое. Во-вторых, что динамика есть *движение «системных процессов»*. В-третьих, якобы Петрушевский рассматривает динамические процессы только как психические.

Ни один из этих «выводов» не соответствует действительности.

Дело в том, что Борисов понятие о структуре, о морфологическом субстрате высшей нервной деятельности почерпнул не из учения Павлова, а из допавловской физиологии и психологии. Именно поэтому ему кажется, что тот, кто признает структуру явлением *физиологическим*, тот явно ошибается.

Как Павлов понимал структуру, динамику и функции?

Во-первых, следует сказать, что структура, по Павлову, проявляется в двух своих видах – в виде строения и в виде динамики. Первую он назвал – анатомической структурой, вторую – динамической структурой.

Под анатомической структурой он понимал весь механизм анализаторной и синтетической деятельности, включая в него и самую замыкательную функцию, и самые образовавшиеся условные рефлексы.

Под динамической структурой, или иначе динамикой, он понимал всякий раз *наращивающуюся* структуру, то есть сам процесс условно-рефлекторной деятельности, совершающийся на основе анатомической структуры под влиянием вечно меняющихся раздражителей, поступающих из внешнего мира.

Я лишен возможности привести соответствующие многочисленные цитаты из Павлова. Их можно найти в работах Павлова – «Настоящая физиология мозга», «Некоторые проблемы физиологии больших полушарий», «Ответ физиолога психологам», «Физиология высшей нервной деятельности», «Экспериментальная патология высшей нервной деятельности» и во многих других.

Во-вторых, под функцией Павлов понимал всю совокупность «сложно-нервных явлений», которые разыгрываются на «нервном аппарате» под влиянием окружающей действительности, то есть ту же динамику высшей нервной деятельности. Это свое понимание он высказывал в докладе «Естествознание и мозг», в статье «Проблема физиологического понимания навязчивого невроза и паранойи» и во многих статьях.

Таким образом, понятия структура и динамика относятся исключительно к материальному субстрату мозга. Как видно из сказанного, оба этих явления неотделимы друг от друга, находятся в неразрывной связи друг с другом, являются, по существу, одним и тем же. «Для меня, – говорит Павлов, – конструкция и динамика вовсе не представляются такой противоположностью, как это обыкновенно думают. Я это очень сливаю, прямо отождествляю, для меня почти нет этой разницы. Я это считаю динамическими пунктами. Поэтому я и понимаю: что раньше было динамическим, дальше делается конструктивным, потому что это одно и то же. Я стою на этой точке зрения и считаю, что разделение материи и функции условно и относительно. Анализ более глубокий совершенно уничтожил разницу между ними, и мне странно, когда кто-нибудь динамику строго противопоставляет конструкции (Павлов И.П. Клинические среды. Соч. Т. 1. – С. 618–619).

Именно поэтому Павлов настойчиво проводил мысль о слитии динамики и структуры, о «приурочении динамики к структуре». Здесь, как мы видим, нет и тени психоморфологизма, здесь нет и намека на старую функциональную психологию.

Теперь стоит только вспомнить, что динамические или иначе условно-рефлекторные, «сложно-нервные» явления по Павлову в одно и то же время – *и физиологические, и психологические* явления, то вполне правомерно говорить о приурочении психических явлений к структуре.

Таким образом, оказывается, что не так уж неправ Петрушевский, который писал, что «динамика», по Павлову, соответствует «психическому»?

Именно *соответствует*, а не *сводится*, как неверно истолковал автор.

Итак, критика по данному вопросу вызвана не тем, что автор лучше разобрался в Павлове, а тем, что он не понял основной идеи павловского учения о физиологическом, нервно-динамическом характере структуры, о природе функциональных явлений в корковой деятельности.

Далее, говоря о динамическом стереотипе, автор указывает, что он является лишь только основой для формально-логического познания. «Очевидно, что в пределах данного динамического стереотипа и формируется формально-логическая определенность мышления, переход же от старого динамического стереотипа к новому в процессе познания выходит за ее рамки (!?) и осуществляется в соответствии с требованиями диалектической логики» (с. 532).

Если вдумчиво исходить из Павлова, а не из Савинова, то выходит как раз наоборот, что именно диалектическое мышление обеспечивается постоянной динамикой корковых процессов, а формально-логическое мышление – лишь переходами от одного динамического стереотипа к другому, то есть в кругу тех же самых динамических стереотипов.

Кроме того, из этой цитаты совершенно неясно, имеет ли диалектическое мышление нервно-физиологические основы или же оно совершается «во внутренней стороне» рефлекторных процессов, за «рамками» физиологических процессов?

Здесь так же автор клонится к старому, допавловскому пониманию познавательной деятельности.

Наконец, следует еще сказать о том, что в ряде случаев автор пользуется естественнонаучными понятиями не в адекватном их значении. Например, «оптимальное возбуждение» он понимает как «наивысшую концентрацию возбуждения» (с. 179), тогда как это понятие означает «среднее возбуждение». То, что автор в этом не разобрался, свидетельствует, в частности, о том, что он не проник в тонкую механику нервных процессов, вскрытую Павловым. Именно среднее возбуждение («оптимальное») является основой основ для нормальной деятельности коры головного мозга. Это очень важный пункт павловского учения.

В заключение следует сказать, что несмотря на имеющиеся недостатки в материалах, автор их вполне способен удовлетворительно справиться с написанием докторской диссертации, о чем сказано в самом начале.

Старший научный сотрудник
Института философии АН СССР
28 марта 1956 г.

С.А. Петрушевский

Список литературы

1. Андрианова, И. Первый профессор / И. Андрианова // Самарские судьбы. – 2012. – № 3. – С. 52–59.
2. Борисов, В.Н. Логические исследования А.В. Савинова / В.Н. Борисов. – Калинин: Калининский государственный педагогический институт имени М.И. Калинина, 1958. – С. 101–116.
3. Борисов, В.Н. Структура мышления как познавательного и логического процесса: автореф. дис... д-ра филос. наук / В.Н. Борисов. – Новосибирск, 1970. – 32 с.
4. Бурлина, Е.Я. «Институциональная философия» профессора В.Н. Борисова / Е.Я. Бурлина // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2019. – № 2 (2). – С. 13–24.
5. Головкин, Н.В. Памяти Вадима Николаевича Борисова / Н.В. Головкин, Т.В. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2007. – Т. 5. – № 2. – С. 151–152.
6. Проблемы методологии: сб. статей, посвященный памяти профессора В.Н. Борисова. – Самара: Самарский государственный университет, 1998. – 171 с.
7. Творчество. Культура. Наука. Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. IV. Памяти профессоров Вадима Николаевича Борисова и Виктора Николаевича Духанина. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2012. – 127 с.
8. Шестаков, А.А. Вадим Николаевич Борисов / А.А. Шестаков // Вопросы философии. – 1998. – № 6. – С. 156.

ON THE FIRST VERSION OF V.N. BORISOV'S DOCTORAL DISSERTATION (ARCHIVAL PUBLICATION)

*S.N. Korsakov**

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Abstract. *The publication refers to the first version of the doctoral dissertation of V.N. Borisov. It was written in 1956 during the work of V.N. Borisov at the Kalinin Pedagogical Institute. First published opinion on the dissertation of V.N. Borisov head of Department of philosophical questions of natural Sciences at the Institute of philosophy of as USSR S.A. Petrushevsky. V.N. Borisov as a student of A.V. Savinov tried to make a synthesis of the philosophical foundations of logic, physiology, and psychology in the teaching of thinking. A negative review of lysenkoist S.A. Petrushevsky led to the fact that V.N. Borisov defended his doctoral dissertation fifteen years later.*

Keywords: *Soviet Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Kalinin Pedagogical Institute, V.N. Borisov, A.V. Savinov, S.A. Petrushevsky.*

* *KORSAKOV Sergey Nikolaevich* – Ph.D., Assoc. Prof., Leading Researcher of the Institute of Philosophy of PAS.